

ТАБЛЕТКИ ОТ РЕАЛЬНОСТИ

ПИСАРЧУК ХРЕНОВ

Писарчук Хренов
Таблетки от реальности

«Автор»

2026

Хренов П.

Таблетки от реальности / П. Хренов — «Автор», 2026

Тридцатилетний Адэм, находясь в глубокой депрессии, отправляется в муниципальную клинику доктора Веллы. Та услужливо предлагает ему опробовать на себе пять таблеток с различными степенями погружения в реальность: тотальный контроль, вечный позитив, цифровые очки, чипизация, абсолютная свобода. Вот только после каждой из проглоченных таблеток Адэму становится всё хуже, и он начинает замечать, что никак не способствует позитивному изменению собственной реальности, а поддерживает ту, от которой пытается бежать, являясь одним из её основных винтиков - потребителем фармацевтической продукции.

© Хренов П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Таблетки от реальности

I

Пропахший получившими солнечный ожог резиной, бетоном и асфальтом, старый стадион был отдушиной Адэма. В последнее время тридцатилетний парень приходил сюда довольно часто затем, чтобы прекратить суетливый круговой марафон тяжёлых мыслей в своей голове, физически истощив в таком же круговом марафоне своё тело. Усталость от пробежки была приятной и временно сбрасывала с него тяжкое бремя неразрешённого внутреннего конфликта, раздиравшего парня изнутри.

Несмотря на затянувшуюся борьбу в голове Адэма, среда его обитания оставалась спокойной, солнечной и даже умиротворённой.

Парень долго стоял у кромки поля, не решаясь пуститься в очередные утомительные бега. Ему всегда было сложно начать, и с возрастом становилось всё труднее уговаривать себя на подобные спортивные авантюры, но только после них он чувствовал некое внутреннее облегчение, и мир вновь становился прекрасным и безопасным. После пробежек Адэм чувствовал себя чемпионом, ведь к нему ненадолго возвращалось ощущение внутреннего контроля над своим телом и, соответственно, над своей жизнью. То был короткий миг, когда в его голове появлялся внезапный проблеск веры в себя и в то, что он сможет всё изменить, нужно только приложить необходимое усилие для того, чтобы заставить себя что-то делать. Ведь истинный аппетит всегда приходит во время еды, и Адэм это прекрасно знал, хоть иногда есть ему совсем не хотелось.

На футбольном поле, отгороженном от остановки общественного транспорта деревянным неуклюжим забором, похожим на скученные зубы, в нескольких шагах от него заливисто хохотали мальчишки. Они пинали мяч с такой яростной искренностью, будто от успеха этого действия зависело вращение планеты. Адэм глядел на них с ностальгической завистью: ребята были беззаботны; они не думали о том, как заработать денег на жизнь, о том, каким образом выйти из режима выживания хотя бы в «зону комфортного пребывания», и как при этом не предать себя, свои амбиции и мечты, да и вообще о том, как взять ответственность на себя не то что за чужую жизнь, но даже за свою, и нужно ли это делать, принося самого себя в жертву. Размышляя об этом, Адэм чувствовал себя современным Тимом Талером, который продал не только свой смех и способность радоваться, но и способность созерцать красоту вокруг, жить в настоящем, а не в постоянном круговороте мыслей о давно минувшем прошлом, не в страхе перед неизбежным беспощадным, суровым и холодным будущим.

Уродливые кирпичные многоэтажки, высившиеся на горизонте, изрыгали в небо густой чёрный дым, отчего бездушный бетонный лес, сотворённый человеком, казался парню жалкой пародией на ту бесконечную пронзительную синеву, которая раскинулась выше. Задумчивый Адэм грустно взглянул на небо, в котором яркими, необычными, но гармонирующими друг с другом цветовыми сочетаниями, то и дело просившимися на полотно, медленно разливался закат. Парень видел зелёную свежую траву, облепившую истоптанное футбольное поле с разных сторон, но не мог насладиться этим визуальным великолепием так, как это было прежде, в его собственном детском мире. Он чувствовал себя не частью окружающего мироздания, а уродливой угрюмой несовершенной декорацией, которая больше резонировала с серыми зданиями вокруг и такими же угрюмыми и задумчивыми взрослыми, встречавшимися ему на пути и походившими на живые вычислительные машины, которые как будто бы транспортировали свои заботы из пункта А в пункт Б. Каждый шёл, сутулясь под тяжестью невидимых рюкзаков, набитых вопросами выживания: «Что съесть, чтобы не умереть раньше времени и не тратиться на дорогостоящие БАДы? Во что вложить деньги, чтобы не прогадать, и чтобы они не обес-

ценились уже завтра? Как заработать на курсах по правильному и здоровому питанию, чтобы позволить себе это самое правильное и здоровое питание?» Но и эти встречные взрослые неизбежно напоминали Адэму тени, отброшенные его собственными мыслями.

Борясь с внутренним сопротивлением в виде лени и нежелания покинуть свой когнитивный теремок, парень всё-таки ступил на беговую дорожку. Здесь следует сказать о том, что моментами Адэм горделиво считал, будто достиг пика своего интеллектуального развития, стал лучше понимать реальность, а его собственные, порой противоречивые, но оттого неумолимо глубокие мысли увлекали его, словно русалки молодого моряка на дно океана, в пучину снобистского безумия. В иное время, в моменты крайней психической уязвимости парень вообще полагал, что является сосредоточением вселенской глупости: ведь если бы он был умным, то, скорее всего, не оказался бы в такой печальной точке своего бытия, если бы он был умным, он наверняка бы придумал ловкий психологический трюк, который помог бы ему обмануть собственное сознание, переключить его на обдумывание рациональных решений и активных действий по их исполнению. Но в то конкретное время умственного самобичевания он не был таким. Это пугало, парализовывая волю и решимость парня тотальной неуверенностью в себе, сотканной из совокупности страхов, возникших на основании пережитого опыта. Единственным способом заткнуть бесконечный хор аналитиков в голове Адэма было полное физическое истощение его тела.

Когда парень одолел последний запланированный им круг и перешёл на шаг, эффект от тренировки стал медленно испаряться вместе с его потом. Дорога домой опять пролегла через коридор изломанных судеб, но Адэм больше не чувствовал своей причастности к этому обществу, по крайней мере, на ближайшие часа полтора.

С наступлением ночи парень улёгся на свою кровать, которая представляла собой разложенный диван с ортопедическими вставками, и попытался уснуть, но эти жалкие попытки были тщетными: Адэм всё так же лежал, уставившись в потолок, в то время как его сознание бодрствовало с навязчивостью капризного младенца – оно требовало внимания, кричало на языке нерешённых проблем и экзистенциального ужаса.

Воздух в комнате показался ему чрезвычайно удушливым, поэтому Адэм поспешно открыл форточку на проветривание, лелея надежду на то, что со спёртыми застоявшимися массами выветрятся такие же мысли. Однако свежий ночной воздух, вместо того, чтобы принести парню покой, доносил до его слуха неприятные звуки маргинальных сообществ, с которыми Адэм в силу своего бедственного финансового положения вынужден был соседствовать.

- Я не пойду, слышишь! – надрывалась какая-то женщина, которая представляла собой порядочно исхудавшее, лишённое всякой женственности существо. – Я к легавым больше ни ногой! Понятно тебе! Юля уже не дура!

Слово «легавые» резануло слух. Последний раз Адэм слышал его в старых-добрых американских комедиях с Мартином Лоуренсом. Тогда он считал, что это смешно и круто, теперь же это звучало неуместно, оторванно от реальности и разговорного сленга его страны проживания. Затем же мозг Адэма зачем-то активно приступил к анализу других филологических особенностей маргинальной речи. Так, парень заметил, что словарный запас его соседей состоит преимущественно из нецензурной брани, которую он прежде считал проявлением искренности и высокого уровня интеллекта (конечно же, благодаря просмотру коротких роликов в Интернете, в которых рассказывалось о результатах проведённых исследований). Однако же реальность оказалась более грубой: мат под окнами его дома говорил далеко не об искренности и уж точно не о высоком уровне интеллекта лиц, в оригинальном исполнении которых он звучал. Это был язык людей, которые никогда не радовались в этой жизни, даже тогда, когда отмечали какое-либо значимое событие, например, приход весны, который обеспечивал им возможность ночных групповых посиделок под открытым небом. Даже редкие вспышки страсти у них всегда заканчивались одинаково – громкими воплями, услышав которые Адэм традиционно прили-

пал лицом к окну, тасканиями за волосы, глухими ударами мебели об пол, кровавыми побоищами.

Под окнами дома Адэма маргинальное сообщество воскресало, как по расписанию, ровно в час ночи, когда сотрудники правоохраны, совершившие к тому времени ночной обход прилегающей к их участку территории, граничащей с горе-домом, в котором временно разместился парень, полностью скрывались из виду. Несмотря на ранее сломанный домофон, они заблаговременно открывали дверь в подъезд настежь, подпирали её кирпичом, зачем-то колотили в окна квартир первого этажа. Сначала ритмично и игриво, почти беззлобно, но чем дольше им не открывали, тем агрессивнее становился отбиваемый стук. Этот звук – тУм-тУду-дУм- тум-тУм – продолжался до самого рассвета с периодичностью в каждые пятнадцать минут.

Адэм не хотел связываться с ними: побаивался стать жертвой поножовщины. Но с каждым стуком чувствовал себя так, как будто слышал царапанье лезвия по стеклу.

Яростно закрывая форточку, Адэм подумал: «Как же я оказался здесь, среди них?»

Но больше всего на его психику давило осознание того, что эти люди – полноправные собственники здешних квартир, а он, Адэм, – всего лишь и, слова Богу, временный гость в этих местах. В то же время парня приводило в ужас осознание того, что родился он в другой семье, которая не дала бы ему надлежащего образования, его постигла бы та же участь – боязнь «легалых», ночные перестукивания и погромы, алкогольное забытье. Однако тут же в голове у него появилась и другая, не менее страшная мысль: а что, если он и маргиналы – две разных стороны одной медали под названием «депрессия», просто его соседи в силу преобладания животных инстинктов используют максимально ленивый транквилизатор – алкоголь, в отличие от него, выбравшего в качестве панацеи ночной марафон.

Адэм вспоминал грубые, алкогольно-тошнотворные голоса соседей, от которых его физически мутило, и чувствовал огромное раздражение, как и от невымытой посуды, залежавшейся в раковине и обдававшей тяжёлыми запахами воздух над ней, какому-то не отмытому пятну на полу, прилипшим к дну кастрюли мёртвой хваткой сухим макаронинам и невыброшенному мусору.

Чтобы отвлечься от печальной среды своего обитания, парень тревожно потянулся к своему смартфону. Экран его гаджета тут же вспыхнул, ослепляя Адэма синим излучением и одновременно обещая ему неконтролируемую дозу цифрового морфия. Парень привычным движением пальцев стал листать новостную ленту социальных сетей, к которой был абсолютно равнодушен, но оставаться наедине с самим собой, бурно реагирующим на каждый неприятный сторонний шум, было для него смерти подобно.

Сначала алгоритм, считав его пульс и расширенные зрачки, услужливо привёл Адэма на сетевое собрание людей, страдающих тревожно-депрессивным расстройством. Там внимание парня быстро увлекли за собой короткие ролики, в которых люди с такими же тёмными кругами под глазами и неестественной худобой исповедовались в своей неспособности выносить этот мир. Само собрание было похоже на групповую терапию, в которой проблемы других становились интересными лишь тогда, когда они откликнулись чьему-то собственному опыту или по сравнению с последним приобретали большую остроту и размах. В основном люди говорили о том, что не справляются с этим миром, чувствуют пустоту, что быть сломленным – это нормально и что депрессия – это удел интеллектуалов, что, в свою очередь, заставляло горделивого Адэма бесконечно романтизировать топящее его чувство, дополняя его нотками эрудиционного превосходства. Апатия в этих видеороликах оправдывалась всем: от положения звёзд до неравных возможностей при рождении ввиду неравномерного и несправедливого распределения капитала. Благодаря подобным суждениям жизненные неудачи Адэма теперь имели легитимное и вполне логическое объяснение, однако вместе с осознанием парнем тотальной вселенской несправедливости его мотивация к любым действиям в этом мире, а соответственно,

и к самой жизни в нём быстро испарялась, оставляя после себя приятный, наркотический вкус самосожаления.

Когда же Адэм решил оказать сопротивление разрушающим убеждениям и установкам, ставя их под сомнение, алгоритм, словно подслушав этот робкий шёпот нейронов, мгновенно сменил проигрываемую пластинку: так, на Адэма отовсюду (США, Франция, Германия, Индия и др.) посыпались жизнеутверждающие истории в духе «Как я заработал миллион в девятнадцать лет» и «Секрет успеха в утренней планке и позитивном мышлении». В такие минуты парень снова начинал верить в светлое будущее, ведь всплеск дофамина временно обманул его мозг, обещая, что завтра, именно завтра парень перевернёт этот мир.

Однако уже под утро, когда отёкшие глаза Адэма наконец сомкнулись, реальность ото-мстила: парень привычно рухнул в мутное чёрное болото. Он чувствовал, как вязкая, грязная, пахнущая гнилью вода заполняет его лёгкие. В этом сне он не умел плавать и провалился во тьму, почувствовав невыносимую тяжесть дыхания и нежелание или, скорее, отсутствие сил держаться за жизнь. В следующем сне его традиционно преследовал маньяк с лицом, похожим на его собственное, а когда Адэм попытался скрыться в родительском доме, двери последнего оказались незапертыми: безопасности больше не существовало нигде.

Спустя час поверхностной дремоты парень всё же проснулся в холодном поту в то время, как солнце уже безжалостно палило в окно его съёмной комнаты. Рука Адэма словно в автоматическом режиме потянулась к смартфону, и в тот момент сквозь заспанные веки парень отчётливо увидел короткий видеоролик с разоблачением успеха вчерашних героев-миллионеров.

Опустошённый от безысходности, Адэм сел на кровать, чувствуя, как внутри него что-то окончательно сломалось: если жизнь – это либо ложь «успешных», либо болото «неудачников», то каков же его путь? Парень вновь вопросительно уставился в экран смартфона, и алгоритм, словно выждав театральную паузу, выплюнул последний аргумент в виде рекламы услуг доктора Веллы. Это было короткое видео с довольно убедительной агитацией: «Бессонница? Тревога? Тонешь в навязчивых мыслях? Я готова протянуть тебе руку помощи, просто приходи ко мне на консультацию. Запись ниже по ссылке».

В ту минуту Адэм понял, что больше не справляется со своим эмоциональным состоянием: его вечерние марафоны по стадиону были всего-навсего изоляцией на поломанной оправе очков, листом подорожника на открытой глубокой ране, скотчем на деревянной оконной раме. Таким образом, он временно гасил симптомы, пока сама болезнь разрушала его, создавая глубокий кризис жизненных ценностей, пожирая его волю и память о том, зачем ему вообще нужно начинать новый день. Несмотря на постоянное внутреннее сопротивление, парень как никогда остро ощущал потребность в обращении за квалифицированной помощью, которая привела его на порог муниципальной клиники, а затем и к кабинету доктора Веллы.

Как ни странно, в коридоре учреждения столпились молодые люди в возрасте от двадцати до тридцати пяти лет, которых смело можно назвать поколением «когнитивного паралича». Адэм пришёл последним, но, к счастью, в его очереди быстро пронёсся слух о том, что визит к Велле автоматически помечает цифровой профиль её пациента меткой «нересурсного состояния», что заставляло многих с застывшим на лице выражением глубочайшего сожаления покидать занятые места. Так, во времена повышения трудовой и личной эффективности, оптимизации процессов и кричащих лозунгов, предлагавших изгнать негативщиков из своего близкого окружения, признание депрессии было ничем иным, как социальным самоубийством, это как если бы Ахиллес перед боем сразу показал всем атаковавшим его врагам свою пятую, понадеявшись на то, что последние ослабят хватку и прессинг ввиду чистосердечного признания им собственной уязвимости.

Тем не менее Адэму было плевать на мнение своего окружения, ведь его мучения были сродни мучениям Понтия Пилата, за исключением того, что говорила в нём не совесть, а неопределенность дальнейшего пути и отсутствие смыслов куда-либо двигаться.

Когда Адэм вошёл в кабинет доктора, Велла даже не подняла на него своих словно отсутствующих во времени и пространстве глаз. В её осанке и в том, как она сжимала ручку, парень узнал такую же выгоревшую оболочку, как и он сам, с тем лишь отличием, что доктор в силу своей профессиональной деятельности умело научилась камуфлировать своё состояние. Женщина быстро протянула ему контрольный листок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.